

В.Б.Борщев

О Лиде как о лингвисте

[Ссылки в тексте даются по Списку научных трудов Л.В.Кнориной]

Разбирая её бумаги, я думал – кто бы мог написать о ней как о лингвисте. И решил, что нужно попробовать самому. Последние 18 лет я читал все её работы, все варианты. Хотя я – не лингвист и поневоле мои заметки будут неточными и уж, конечно, более чем субъективными. Но чтобы написать подробно и содержательно, надо поработать с её текстами. На это нужно время. А пока – пунктиром.

Лида ушла из жизни, не дожив до 50 лет. Смерть подводит итоги. В своей формальной карьере она достигла немногого. На основной работе – в Институте востоковедения – она числилась научным сотрудником и в прошедшей тарификации удостоилась 12 разряда. Меньше кандидату наук дать было нельзя. В то же время она безусловно была научным работником в подлинном, т.е. буквальном смысле этого термина – она *работала* в науке, была глубоким и разносторонним лингвистом, настоящим профессионалом, более чем требовательным к себе и своим работам.

Лида закончила в 1967 году ОСИПЛ – отделение структурной и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ. Ей повезло. ОСИПЛ (перейду на мужской род) был тогда, безусловно, лучшей школой для подготовки лингвистов в нашей стране. Его создали энтузиасты “современной лингвистики” ещё во времена оттепели. Причём создали не на голом месте, а в стенах старого университета. И этот энтузиазм долго сохранялся как среди преподавателей, так и среди студентов. Математике учили В.А.Успенский, А.Д.Вентцель, Ю.А.Шиханович. Лингвистике – В.А.Звегинцев, П.С.Кузнецов, В.М.Иллич-Свитыч, А.А.Зализняк. Только что закончивший классическое отделение А.Е.Кибрик преподавал латынь. Было у кого учиться. И было – кому. С Лидой на одном курсе учились Аня Поливанова, Валя Гаврилова, Коля Перцов и много других, по-своему не менее ярких людей.

Лида стала ученицей Андрея Анатольевича Зализняка – посещала все его лекции и семинары, он был научным руководителем её курсовых и дипломной работ, а потом – и её кандидатской диссертации. Статьи и книги Зализняка, стиль и метод его работы всегда были для Лиды самыми высокими образцами. И давно уже защитив диссертацию, будучи вполне зрелым лингвистом, она, всегда волнуясь, звонила ему (не часто, раз в год, а то и реже), прося о встрече, чтобы посоветоваться, обсудить ту или иную тему.

Лида опубликовала более 40 работ. Около десятка подготовленных статей ещё не опубликовано. Некоторые из них она закончила буквально в последние дни своей жизни. Остались тексты и незавершённых работ – большинство из них интересны и в том виде, в котором они остались. Тематика её работ чрезвычайно разнообразна. Лингвистические аспекты информационной деятельности. Русская грамматика. Семантика. Стилистика и поэтика. Лингвистические работы Ньютона и работы по лингвоконструированию в 17 веке. Еврейская лингвистическая традиция. Современный и библейский иврит. Стилистика Еврейской Библии и лингвистические комментарии к ней.

И это разнообразие отнюдь не было порханием по темам. Почти все работы были тесно связаны друг с другом. Я постараюсь хоть в какой-то мере проследить эти связи.

В приводимом списке Лидиных работ они сгруппированы по темам, хотя группировка эта условна: многие работы явно находятся на “пересечении” тем. Но сами по себе темы – реальность, и последующий комментарий следует этой группировке.

Лингвистические аспекты информационной деятельности

Больше 20 лет она проработала в информационных учреждениях – с 1967 по 1969 год во Всесоюзном научно-техническом информационном центре и с 1969 по 1991 год в ВИНТИ. Естественно, что часть её работ связана с информационной деятельностью. Она

продолжала работу М.М.Ланглебен по переводу названий химических соединений (1973). И, в частности, отмечала, что даже простой перевод – с одного языка химической номенклатуры на другой – часто невозможен без обращения к семантике (в данном случае – к структурной формуле). Возникший ещё в университете интерес к употреблению в русском языке неизменяемых имён (темы курсовой и дипломной работ) нашёл применение в прикладных исследованиях (1972а, 1972б). Занимаясь разработкой отраслевых машинных словарей, она отмечала (вместе со своими соавторами в работах 1989а и 1989б) трудности выбора переводного эквивалента. Например, даже в пределах ограниченной тематики, русский термин *датчик* может переводиться как *pickup*, *sensor*, *generator*, *transducer*. Специалист, зная реалии и терминологию, выбирает нужный эквивалент. Задача упрощается, если используются термины-словосочетания (*датчик давления* – *pressure pickup*, *оптический датчик* – *optical sensor* и т.п.), тут перевод как правило однозначен. Для терминов с неоднозначным переводом нелегко представить себе автоматическую систему (например, машинного перевода), правильно выбирающую эквивалент.

Русская грамматика

Основные научные интересы Лиды всегда были в теоретической лингвистике, которой она долго занималась, так сказать, в свободное от основной работы время.

Её первые работы относились к русской грамматике. Почти все они вошли в её кандидатскую диссертацию “Функционирование слов с неполным набором морфологических показателей в современном русском языке” (МГУ, 1978, – оппоненты Ю.С.Маслов и Л.П.Крысин).

Первая часть диссертации – это уже упоминавшийся анализ употребления неизменяемых имён (существительных и неизменяемых определителей, главным образом, так называемых неизменяемых прилагательных – работы 1967, 1971в, 1972в, 1977в, 1978а, 1980, 1981б). Стоит отметить несколько вещей. Прежде всего, анализ особенностей грамматической системы русского языка, позволяющих использовать такие имена. Вслед за В.Н.Топоровым, рассматривавшим так называемые “иероглифические элементы” (символы, иностранные слова и т.п.), предлагалось считать неизвестность семантики слова его особым семантическим свойством – иероглифичностью. Рассматривались конструкции, облегчающие использование неизменяемых имён – прежде всего, конструкции с классификаторами. Нельзя не отметить и более общую вещь – понимание того, что исследование казалось бы чисто грамматических проблем невозможно без привлечения семантики (семантическая нагрузка падежа, функции классификаторов и т.п.).

Вторая часть диссертации посвящена связи между семантическими характеристиками глаголов и их видовым “поведением” (основная публикация – 1976). В каком-то смысле Лида продолжала здесь пионерскую работу Ю.С.Маслова 1948 года. Недаром она просила Юрия Сергеевича быть её оппонентом. В Лидиной работе утверждается, что видовое поведение глагола определяется значениями двух признаков: обусловленностью / необусловленностью длительности (т.е. осознается ли соответствующее действие как “точечное”, либо его длительность неопределённа) и наличием или отсутствием перемены состояния. Два признака дают четыре класса, каждый класс характеризуется чётким видовым поведением. Исследование выполнялось на материале так называемых двувидовых глаголов (глаголов на *-овать*, для которых видовое противопоставление не выражено), но его результаты безусловно распространяются на все русские глаголы. На этом примере проявляется одно нетривиальное свойство языковых классификаций, всегда отмечаемое Лидой. Это объективное существование (в нашем языковом сознании) самой классификации и то, что каждый объект (в данном случае глагол) может, вообще говоря, по этой классификации “плавать” – переходить из класса в класс со временем или просто переосмысливаться в том или ином контексте. Эти переходы, конечно, тоже не

произвольны – для каждого класса указываются пути возможных “миграций”. Лида очень гордилась этой своей работой и очень огорчалась, что она почти совсем не цитируется.

К этой же “грамматической” группе относится и несколько неопубликованных работ. Это заказная статья “Двувидовые глаголы” (1992а) для энциклопедии “Русский язык” (издание, видимо, не выдержало новых климатических условий и потому не вышло в свет)¹, текст доклада на какой-то аспектологической конференции (1988а)² и работа по описанию правил русской орфографии (1988б)³. Остановлюсь на последней. Рукопись в 9 машинописных страниц – побочный результат занятий со школьниками. Лида просто не понимала, почему эти, в общем-то, простые правила так плохо и путано описаны. Делаются общие замечания к структуре существующих правил (неотделение обязательного от факультативного и т.п.) и много конкретных. Примерно год назад был начат новый вариант – “Логическая структура правил русской орфографии и пунктуации” – попытка вытащить такую структуру из существующих правил и в соответствии с ней переформулировать основные типы правил. Текст не был закончен, хотя основные принципы сформулированы.

Семантика

К семантике она шла как от грамматики (об этом я уже писал), так и от поэтики и стилистики. Читая своего любимого Пастернака, пытаясь постичь структуру его метафор, она поняла, что для этого необходимо описать семантическую структуру “обычного” словосочетания, на которую опирается та или иная метафора. А эта структура определяется семантическими типами слов (а точнее – реалий, описываемых данным словосочетанием).

Типами всегда занимались логики. Представление мира (модель) строится из элементов разных типов – объектов, функций, отношений и т.п. В свою очередь, правильность построения формул определяется типами. В настоящее время типы – одно из основных понятий языков программирования, баз данных и т.п. Конечно, понятие типа в логике и программировании отражает интуитивно ощущаемое представление о типах в естественном языке. Семантические типы – это классификация, сетка понятий, существующая в нашем языковом сознании “над” конкретной лексикой. На лексическом уровне семантическим типам соответствует так называемая *металексика* – такие слова, как *объект, действие, процесс, свойство, признак, ситуация* и т.п. Очевидно, что именно типы “командуют” сочетаемостью в тексте.

Семантические типы описывались так или иначе ещё со времён Платона и Аристотеля. В современной лингвистике это понятие было актуализировано Монтегю. По сути дела семантические типы действий (и соответствующих глаголов) описывал Р.Том, создатель теории катастроф (классифицируя топологические “катастрофы”, происходящие во время этих действий).

Монтегю и Том шли от формальных схем (каждый от своей), пытаясь с их помощью описывать факты языка. Лиде (как и другим лингвистам) было естественно пытаться выделять типы, анализируя те или иные языковые конструкции. Вначале она занималась русским генитивом (1979, 1985, 1988г, 1988д, 1990а). Материалом были “обычные” тексты, уже упоминавшиеся метафоры. Использованию словарных дефиниций (прежде всего опорных слов) для выделения типов и, наоборот, корректировке дефиниций при разработанной системе типов посвящена работа (1988в). Металексика рассматривается в работах (1991а, 1993а, 1994а).

¹ Энциклопедия была опубликована через несколько лет, после выхода данного сборника.

² Сборник докладов вышел в свет в конце 1994 г.

³ Частично опубликовано в еженедельнике “Русский язык”: приложение к газете “Первое сентября”: № , 1995 г. Полностью публикуется в настоящем сборнике.

Стилистика и поэтика

Работы (1989а, 1990б) из этого раздела, так же как и “библейская” работа (1994ж), используют понятие семантического типа при описании метафор. Так, метафоры *дождь вопросов* и *лес рук* опираются на то, что дождь и лес являются *совокупностями* (капель и деревьев, причём *капли падают, сыпятся, а деревья стоят*). Т.е. как раз выделение в образе соответствующего типа и делает метафору правильным словосочетанием. Существенно, что иногда именно метафоры выявляют для нашего языкового сознания типовую соотносённость слова.

Очень интересная работа (1982), посвященная вариативности грамматических форм у Пастернака, была бы, наверное, невозможна без предшествующих грамматических работ. Любопытно, что Лида полемизирует в ней с Ю.М.Лотманом, который описывал “выход” за пределы обычных норм у Пастернака, как “систему нарушений”. Лида же подчеркивала органичность использования Пастернаком необычных форм, то, что самые редкостные из них трудно заметить даже при специальном прочтении.

Лингвоконструирование в 17 веке. Ньютон

Этой темой Лида обязана В.А.Успенскому, который попросил её перевести для “Семиотики и информатики” работу Ньютона “Об универсальном языке”. На перевод 12 страниц текста ушло три года. Надо было понять, почему вдруг восемнадцатилетний Ньютон свою первую работу посвятил конструированию универсального языка. Почему другие выдающиеся люди того времени – Кампанелла, Фрэнсис Бэкон, Декарт, Ян Амос Коменский, первый президент Лондонского Королевского общества Вилкинс и многие другие также занимались лингвоконструированием и именно эти их занятия пародировал Свифт, описывая Академию Прожектёров в Лагадо. И как эти работы связаны с современной лингвистикой. Почему столь популярные тогда занятия семантикой были прерваны после появления грамматики Пор-Рояль и только “современные представления лингвистики универсалий, типологии, когнитивной лингвистики позволяют ... оценить их по достоинству” (1994в).

Опубликовав перевод, Лида не переставала интересоваться этой проблематикой. В прошлом (1993) году она читала в Национальной библиотеке Израиля рукописи Ньютона. А буквально в последние дни жизни закончила две статьи (1994в и 1994г) на эту тему.

Современный и библейский иврит. Библеистика.

Ивритом Лида начала заниматься в 1990 году, за месяц до того, как мы поехали по частному приглашению в Израиль. Вернувшись, продолжала. К этому времени работа в ВИНТИ стала её тяготить. Слишком много времени уходило на то, что её мало интересовало. И тут открылась вакансия в отделе языков Института востоковедения. Там надо было заниматься еврейской лингвистической традицией. Комплексовала – менять если не профессию, то сферу деятельности в 46 лет, плохо ещё зная иврит, не зная ни арабского, ни арамейского... Решилась. Кстати, занятия “ньютоновской” темой несколько облегчили переход.

Больше всего её интересовала Библия. На том языке, на котором она была написана. И прежде всего, с лингвистической точки зрения. В 1992–93 учебном году она читала курс библейского иврита на ОСИПЛе, осенью 1993 года – в Еврейском университете, а весной 1994 года – на кафедре истории и теории мировой культуры Философского факультета МГУ.

Летом 1993 года на Всемирном конгрессе по иудаике в Иерусалиме она делала доклад о метафоре в Библии (1994ж). Материалом был смихут – конструкция, аналогичная русскому генитиву. Пригодились семантические типы и занятия метафорой. А после конгресса в том же Иерусалиме на конференции преподавателей иврита сделала другой доклад – о преподавании иврита русскоговорящим (1993в, 1994д) – осмысливала свой, не очень простой опыт изучения иврита.

Читая традиционные комментарии к Библии, она вдруг поняла, что они содержат, по сути дела, лингвистический анализ библейского текста. Комментаторы не просто знали этот текст наизусть. Пользуясь термином из современной информатики, можно сказать, что в их головах хранился гипертекст – т.е. текст со всеми параллельными местами, соотношениями, связями. Для них это был текст Божественный. И если в разных местах, скажем, об одном и том же написано по-разному, то это нужно объяснить, понять Божественный замысел и с помощью комментария гармонизировать кажущееся несоответствие. Лингвист может не соглашаться с комментатором, но материал, содержащийся в комментарии, трудно переоценить. Об этом работа (1994е).

Сделала она немало. Особенно за последние годы, когда буквально всё время, все силы уходили на работу. А сколько было планов... Остались картотеки, десятки исписанных тетрадей. Компьютер появился в доме в самом конце 1993 года. Она заболела в начале февраля 1994 (но в конце марта снова начала работать). Её файлы не помещаются на дискету в 1,44 мб...

Впервые напечатано в сб. «Семиотика и информатика», вып. 34, 1994 г.